

ВИКТОР СТЕПАНЕНКО,

кандидат философских наук, исполняющий обязанности заведующего отделом истории, теории и методологии социологии Института социологии НАН Украины

Социальный капитал в социологической перспективе: теоретико-методологические аспекты исследования

Abstract

Social capital is analysed as a multi-faced concept and discourse in contemporary social sciences. The particular attention was focused on the sociological interpretation of social capital represented by the works of R.Putnam, F.Fukuyama, E.Ostrom and other scholars.

The analysis of social capital in a post-communist context is undertaken. It is stated that, in a post-communist society, the strategies of forming a civil society and social capital are overlapped. Methodological and theoretical issues for the study and research on social capital and civil society are discussed and the methodological strategies are suggested.

Концепция социального капитала по количеству ссылок, референций и интерпретаций по ее поводу является одной из новейших и популярнейших в современной социальной науке, в том числе и в социологии. Употребление этого термина и обсуждение концепции набирают оборотов также в современной постсоветской социологии и социальной теории [1; 2; 3, с. 77–81]. Тем не менее понятие социального капитала остается противоречивым и многозначным. Некоторые современные теоретики, например американская исследовательница Джин Коэн, вообще подвергают сомнению целесообразность применения в социальной теории понятия “социальный капитал” как не дающего ничего нового и “более запутывающего, нежели что-то объясняющего” [4, с. 220]. Однако такой остро критический взгляд представляется крайним в современном дискурсе о социальном капитале. Мы присоединяемся к позиции исследователей, считающих, что эта концепция

как попытка обоснования определенного интегрального качественного показателя общественной жизнедеятельности кое-что “все-таки объясняет” и заслуживает внимания. Концепция социального капитала, очевидно, также удовлетворяет определенную методологическую потребность на данном этапе развития современной социальной теории (и социологии в частности) в ее традиционных попытках “ухватить” и истолковать “мегасложную” социальную реальность¹, чтобы хоть немного приблизиться к ответу на программный вопрос Зиммеля “*как возможно общество?*” (или в более близкой к этой концепции интерпретации — “*каковы условия существования социально солидарного, экономически и культурно развитого общества?*”).

Начало новейшего общественно-теоретического дискурса о социальном капитале и новый импульс академических и общественно-политических дискуссий вокруг него связаны, прежде всего, с исследованиями американского теоретика государственного управления и социолога Роберта Патнема. Последний активно использовал концепцию социального капитала в изучении традиций гражданской активности в Италии и США начала 1990-х годов [5; 6; 7]. Р.Патнем также успешно популяризировал концепцию социального капитала в научном и общественном дискурсах, спровоцировав широкие дебаты об упадке социального капитала в США. Термин “социальный капитал” стал популярным не только в академических кругах и изданиях. Проблематика качественных показателей общественной жизнедеятельности с середины 1990-х годов активно обсуждается в специализированных общественно-политических и популярных изданиях стран Запада, и особенно в США.

Многозначность и метафоричность термина позволяют экспертам по разным дисциплинам не только находить свои аспекты и подходы к широкой проблематике социального капитала, но и обнаруживать пересечения между этими подходами. И хотя экономисты традиционно сосредоточены на изучении рыночных механизмов, политологов интересует государственное устройство и политический процесс, а особым предметом внимания социологов и антропологов является исследование социальных групп и отношений в обществе, в конце 1990-х все они начали активно взаимодействовать в отношении проблематики социального капитала в социальной теории. Как отмечают некоторые аналитики, с начала 1990-х годов социальный капитал выполняет роль “организационной концепции” в социальных науках, поскольку “трудно найти другой академический термин, который бы так быстро вошел к общий словарь общественного дискурса, как идея социального капитала” [8, с.1]. Методологические ориентиры концепции социального капитала также становятся все более востребованными для анализа общественных трансформаций в различных уголках мира, в частности в посткоммунистических странах [9; 10; 11]. Международные экономические институты, например Всемирный банк, привлекли и активно используют концепцию социального капитала в понятийном аппарате институциональ-

¹ Автор выражает благодарность своим коллегам по Институту социологии НАНУ А.Ручке, В.Танчеру, В.Королько, Ю.Саенко, Е.Головахе, С.Макееву, В.Врублевскому, В.Тарасенко и другим за плодотворное и конструктивное обсуждение методологических вопросов современного социологического знания, его форм и стилей (в частности “метафоричности”) и проблем отражения “мегасложной” (Ю.Саенко) социальной реальности.

ного анализа проблем и перспектив развития стран с переходной экономикой. Этот многозначный термин обозначает различные понятия для специалистов разных отраслей, однако общим остается “соблазн для всех энтузиастов концепции социального капитала использовать ее применительно к любому неформальному общественному участию” [8, с.1]. В этом смысле понимание того, *что означает и чем является* социальный капитал — понятие, трудно поддающееся традиционным процедурам формализации, часто достигается на основании принципа отсутствия (или неразвитости) его признаков на фоне отрицательных характеристик общественной жизнедеятельности. Эксперты отмечают по этому поводу: “... Когда мы часто слышим высказывания о том, что в каком-либо обществе обнаруживается массовое асоциальное поведение в таких его формах, как безответственность, стяжательство, взяточничество или коррупция, это случается потому, что граждане недостаточно заботятся о накоплении социального капитала” [8, с. 1]. Таким образом, социальный капитал ассоциируется тут с такими социальными характеристиками “здоровой”, “идеальной” социальности, как доверие, социальная поддержка и солидарность между членами общества.

В контексте нашего анализа среди многочисленных толкований социального капитала мы сосредоточим внимание на его социологической интерпретации (представленной, в частности, Р.Патнемом и другими теоретиками его круга), а также на дальнейших теоретических дебатах вокруг этой темы в русле общественно-гражданской парадигмы, очерченной американским исследователем. И хотя, как мы покажем, эта интерпретация не лишена недостатков и противоречий, именно она, по нашему мнению, приближается к комплексу идей и исторических традиций понимания гражданского общества. Представление о социальном капитале в этом смысле приобретает значение *интегральной концепции гражданского общества*.

Теоретическое обоснование концепции

Концепция социального капитала является одним из центральных теоретических положений итальянских исследований Р.Патнема и его коллег “Созидание демократии. Традиции гражданской активности в современной Италии” [5]. Эта концепция представляет собой обобщающий вывод исследователя в его ответах на вопросы, почему общественная жизнь в одних регионах Италии активна, а правительства более эффективны и ответственны, тогда как в других регионах общественные традиции неразвиты, процветает клиентизм и коррупция, а деятельность местных институтов власти крайне неэффективна. По мнению Р.Патнема, причины такого положения заключаются в региональных отличиях в плане аккумуляции, потенциала и проявлений такого феномена социальной общественной жизнедеятельности, как *социальный капитал*. Проследив теоретическую логику американского исследователя, можно отметить, что социальный капитал в его интерпретации служит определенной интегральной социетальной характеристикой. Она охватывает уровень развития гражданского сотрудничества и способности граждан к объединениям (того, что исследователь определяет также как индексы гражданственности и зрелости гражданских традиций), а также нормы и ценности общественных отношений, и прежде всего взаимность и доверие. В небольшом эссе “*Процветающее сообщество*” [6], содер-

жащем изложении оснований и принципов нормативно-идеального общества, исследователь отмечает: “По аналогии с понятиями физического капитала и человеческого капитала — средств и навыков, улучшающими индивидуальную производственную производительность — “социальный капитал” относится к характеристикам социальной организации, в частности социальным связям, нормам и доверию. Последние способствуют координации и сотрудничеству для взаимной пользы” [6, с.1]. Согласно выводу Р.Патнема, “добровольное сотрудничество легче поддерживать в общности, имеющей значительные накопления социального капитала в виде норм взаимности и сети общественной активности” [5, с. 204]. Итак, по Р.Патнему, формами социального капитала являются социальные нормы, институционализированное в образцах господствующей социальной практики доверие и человеческие взаимоотношения, которые он называет “горизонтальными” связями сотрудничества, отличными от “вертикальных” общественных отношений иерархии, подчинения и зависимости.

Понятие социального капитала, безусловно, не является теоретическим изобретением американского исследователя. Подходы к *капиталу* человеческих ресурсов, общественных взаимоотношений, норм и ценностей в отличие от *физического капитала* средств производства, *финансового* или *торгового* капитала были заложены еще в классической политической экономии А.Смита и Д.Рикардо. Для Смита экономика в полном смысле является гуманитарной, а то и нравственно-этической наукой, изучающей в первую очередь взаимоотношения между людьми. Эти традиции были продолжены и развиты, в частности, К.Марксом в его критической концепции отчуждения как определенной интегральной характеристики социально-экономического и социокультурного общественного бытия, связанной с развитием товарно-рыночных отношений. Современные социологические интерпретации концепции социального капитала впервые артикулировали французский социолог П.Бурдьё и американский теоретик Дж.Коулмен.

Для П.Бурдьё социальный капитал является одним из типов капиталов внеэкономической природы, которые он рассматривает в своих исследованиях символической власти и господства, социального производства в науке, культуре и образовании, а также в исследованиях, посвященных воспроизводству социокультурных различий, социальных статусов и стратификаций. Бурдьё определяет социальный капитал как “совокупность существующих или потенциальных ресурсов, связанных с наличием устойчивой сети более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания, или, другими словами, членства в группе” [12, с. 248]. Однако, по Бурдьё, социальный капитал — это нечто больше, нежели просто сеть групповых связей. Его природа предполагает трансформацию устойчивых отношений, таких как соседство, отношения в коллективе коллег и даже родственные связи, в отношения, являющиеся “необходимыми и выбранными, которые предполагают длительные субъективно-эмоциональные обязательства (чувства благодарности, уважения, дружбы и т.д.)” [12, с. 249–250]. То есть это связи особой природы — позитивно эмоциональные и построенные на доверии. Бурдьё обращает особое внимание на такой важный элемент социального капитала, как доверие, — тема, являющаяся одной из центральных в социологических толкованиях этой концепции и в целом в классической социоло-

гической теории¹. Как отмечает французский социолог, “пользуясь доверием и накопленным ими капиталом связей, люди способны, как говорят, “придя с пустыми руками, унести с собой весь рынок, имея вместо денег свое лицо, имя и честь”, и даже “ручаться (в смысле “предпринимать”), независимо от того, есть у них деньги или нет” [14, с. 233]. В своих исследованиях Бурдьё показывает также взаимосвязь и “конвертируемость” различных типов капиталов в обществе, скажем, материального — в символический, и наоборот. Это тема, весьма плодотворная в рамках анализа, к примеру, формирования новейших политических и экономических элит в посткоммунистических обществах.

Для другого теоретика социального капитала Дж. Коулмена эта концепция является производной от теории рационального действия и обмена, лишенных, однако, индивидуалистских крайностей. В толковании Коулмена, социальный капитал как ресурс действия — это “один из способов вовлечения элемента социальной структуры в теоретическую парадигму рационального действия” [15, с.6]. Американский социолог выделяет следующие формы социального капитала: обязательства и ожидания, информационные каналы, а также социальные нормы. Коулмен применял концепцию социального капитала в своем анализе причин низких показателей школьной успеваемости и преждевременного ухода из школы некоторых подростков. Причиной этих явлений, по мнению исследователя, является дефицит социального капитала семейного круга и социальной среды этих учеников.

Однако, на наш взгляд, именно в подходах Р. Патнема к феномену социального капитала в его итальянских исследованиях и последующих разработках относительно состояния и тенденций развития социального капитала в США эта концепция приобретает системное социологическое звучание. Как отмечает американский исследователь К. Эрроу, утверждение Патнема о том, что участие граждан в добровольных объединениях повышает политическую и экономическую эффективность общества (даже тогда, когда сами эти объединения не играют существенной роли ни в политике, ни в экономике), структурно напоминает тезис М. Вебера о важности культурно-религиозных традиций для развития экономики обществ. И хотя веберовский и, как мы далее покажем, патнемовский тезис открыты для критики и дискутирования, в обоих случаях “речь идет о переходе способа мышления от одной социальной реальности к другой” [16, с. 4].

Р. Патнем, рассматривая вопросы организации жизни человеческих обществ и общин, затронул важнейший нерв современного общественно-гуманитарного знания. Проблемы возможности коллективного действия и общей жизнедеятельности, предполагающих преодоление узких эгоистических интересов отдельных членов общества, поднимались и анализировались в свое время такими мыслителями, как Ж.-Ж. Руссо с его концепцией общественного договора, Т. Гоббс с его обоснованием необходимости государства как третейского Левиафана в преодолении “войны всех против всех”, Д. Юм, Дж. Локк и другие классики социально-философской мысли. Ссылаясь на эту традицию в решении дилеммы рационального общественного духа,

¹ Как замечает по этому поводу американская исследовательница Памела Пакстон, “перечень социальных теоретиков, которые высказывались по поводу важности доверия или объединений для общественной жизни, можно пересматривать как справочник “кто есть кто” в социальной теории — Маркс, Дюркгейм, Вебер, Локк, Зиммель” [13, с. 91].

Р.Патнем в своем итальянском исследовании цитирует Д.Юма, который приводит яркий пример потери земледельцами собственного урожая из-за взаимного недоверия и неспособности к сотрудничеству. “Неспособность сотрудничать для общего блага, — отмечает Р.Патнем, — не обязательно означает незнание или иррациональность” [5, с.199]. “Земледельцы Юма не являются немыми, сумасшедшими или подчиненными злему умыслу; они скорее в ловушке” [6, с. 1]. Соблюдение, на первый взгляд, рациональной стратегии действия, направленного на уменьшение риска собственного поражения или неудачи, приводит здесь к прямо противоположным последствиям. Американский исследователь приводит убедительные примеры современных вариаций такой ситуации:

- родители в любых общинах желают лучших условий для образования своих детей, но общие усилия по улучшению общественных школ зачастую оказываются слабыми и недостаточными;
- все обитатели американских гетто заинтересованы в безопасности своих улиц, но попытки осуществить коллективные действия по предотвращению преступности почему-то оказываются тщетными;
- обедневшие фермеры стран третьего мира нуждаются в более эффективных оросительных системах и рыночных механизмах, однако сотрудничество в реализации этих целей не разворачивается в должной мере;
- глобальное потепление угрожает жизни всех жителей планеты, но попытки организовать общие действия международной общественности для предотвращения этого риска пока не дают результатов [6, с. 1].

Читатель может легко продолжить этот список, приводя примеры угроз общественному благополучию и безопасности, возникающих вследствие невозможности (или нежелания) наладить сотрудничество всех заинтересованных сторон из-за взаимного недоверия. (Украинские примеры длительного противостояния разных ветвей власти здесь особенно показательны.) Заметим, что в Юмовом хрестоматийном сюжете и в современных примерах ловушек “очевидной рациональности” речь идет об общих закономерностях человеческой природы и вечных дилеммах-противоречиях между индивидуальными, групповыми и общественными интересами, между индивидуальными и коллективными решениями и действиями. Подобные противоречия обобщаются экспертами по теории игр как типичная “*дилемма узников*”. Сущность ее заключается в ситуации взаимного подозрения сторон, а значит, невозможности сотрудничать ради взаимного блага из-за отсутствия доверия друг к другу, недостаточной координации действий, а также в неуверенности относительно общей кооперативной стратегии сторон. Замкнутый круг недоверия, возникающий в ситуации “дилеммы узников” или аналогичной ей “трагедии общин” (Г.Гардин)¹, можно разорвать лишь взаимным актом доверия сторон друг другу, а благоприятные социальные обстоятельства для этого созревают в обществах, граждане которых достаточно инвестируют во взаимное доверие. “Взаимное доверие необхо-

¹ Ситуация “трагедии общин” заключается в проблеме использования общих ресурсов (пастбищ, водохранилищ, лесов, грунтовых вод, чистого воздуха). Когда пользователи общих благ не желают координировать свои действия по контролю или ограничению потребления таких ресурсов, последние быстро истощаются и исчерпываются.

димо для цивилизованной жизни” [11, с.201], — констатирует Р.Патнем. Более того, по убеждению американского исследователя (мнение, напоминающее классический этико-культурный аргумент М.Вебера в его объяснениях развития капитализма), причинно-следственная цепочка между социально-экономической эффективностью обществ, с одной стороны, и потенциалом социального капитала и уровнем развития общественных добродетелей — с другой, выглядит так: *общества и общины становятся цивилизованными не потому, что они экономически зажиточны, а наоборот — общества зажиточны именно потому, что исторически формировались как гражданские*. “Казалось бы, социальный капитал, воплощенный в нормах и связях общественного участия, выступает предпосылкой экономического развития и эффективного управления”, — усиливает свой тезис Р.Патнем [6, с. 3].

Каким же образом социальный капитал способствует эффективному управлению, общественному прогрессу и даже экономическому росту обществ? По мнению американского исследователя, социальный капитал накапливается в обществе в двух основных взаимосвязанных институциональных формах: в нормах взаимности межличностных отношений и в горизонтальных¹ сетях (*networks*) и связях общественной активности. Г.Патнем показывает, как в этих взаимосвязанных институтах социального капитала генерируется общественное доверие — решающий элемент эффективной общественной жизнедеятельности, или, как утверждает Ф.Фукуяма, “своеобразные смазочные масла”, позволяющие группе или организации функционировать эффективнее [17, с.129]. Аргументы относительно этой обусловленности таковы:

1. Горизонтальные связи общественного участия (*networks of civic engagement*) способствуют формированию норм общей взаимности: “я сделаю это для тебя сейчас в надежде на то, что когда-нибудь ты или кто-либо другой также помогут мне” [6, с. 3]. Такой первичный и спонтанный акт помощи ближнему уже является определенной инвестицией (если воспользоваться экономической терминологией) в социальный капитал. Последний, в отличие от конвенционного экономического капитала, по форме своего существования и проявлениям не может быть чьей-либо частной собственностью, а является общественным благом. Ресурс социального капитала растет по мере распространения актов взаимного доверия членов сообщества. Таким образом, общество, в котором потенциал взаимности, доброжелательности и доверия граждан друг другу возрастает, более эффективно в социальном и экономическом аспектах своей жизнедеятельности. Как показывают Р.Патнем, Э.Остром, Ф.Фукуяма и другие исследователи, эффективность общества с высоким уровнем социального капитала обусловлена прежде всего сокращением затрат на контроль за соблюдением соглашений и контрактов как формальной основы общественного взаимодействия. Иначе говоря, такие общества существенно экономят ресурсы и время на содержание разного рода “третейских Левиафанов”, в частности государственных институ-

¹ Р.Патнем, как известно, акцентирует отличие “горизонтальных” связей сотрудничества, кооперации и взаимной добровольной ответственности от “вертикальных” общественных отношений иерархии, подчинения и зависимости. Именно “гражданско-социальные” общности, добровольные объединения и сети формируют горизонтальные связи сотрудничества, а значит, и социальный капитал общины.

тов, которым члены “недоверчивых” обществ к тому же не полностью доверяют. Другой исследователь проблематики социального капитала Ф.Фукуяма замечает по этому поводу: “Разумеется, даже при отсутствии социального капитала вполне можно сформировать успешно функционирующие социальные группы, используя разнообразные формальные механизмы координации — такие как контракты, иерархии, конституции, правовые системы и так далее. Но наличие неформальных норм заметно сокращает то, что экономисты называют “транзакционными издержками”, — затраты, связанные с подготовкой и заключением соглашений, а также обеспечением их соблюдения. Кроме того, в определенных обстоятельствах социальный капитал способствует более высокой степени новаторства и облегчает внутригрупповую адаптацию” [17, с. 130–131].

Популярными формами и практиками культивации взаимного доверия и накопления социального капитала в общине являются различные формы производственной кооперации и кредитные союзы, распространенные в различных вариациях во всем мире.

2. Второй аргумент в пользу положительного влияния высокого уровня социального капитала на институциональную и экономическую эффективность жизнедеятельности общества заключается в том, что горизонтальные связи общественного участия способствуют координации и коммуникации между гражданами. Сотрудничество и кооперация граждан в различных общественных начинаниях также углубляют их взаимное доверие и распространяют информацию о людях, заслуживающих (или не заслуживающих) доверия. Исследователи, изучающие стратегии рационального выбора с точки зрения теории игр, в частности упоминавшуюся дилемму узников, приходят к выводу о том, что сотрудничество и доверие между действующими лицами в подобных ситуациях возникают тогда, когда накапливается положительная информация о взаимных конструктивных действиях партнеров. В практике повседневных экономических (да и политических) отношений этот эффект известен как *деловая репутация* партнера. В этом смысле Дж.Коулмен приводит пример профессионально необходимого высокого уровня доверия между деловыми партнерами в такой особенной сфере экономической деятельности, как торговля бриллиантами. Здесь возможны случаи, когда один партнер передает другому, полностью доверяя ему, большое количество бриллиантов для экспертизы и оценки, не требуя никакой формально-юридической процедуры оформления такой передачи. Истинная рациональность такого взаимно доверительного поведения торговцев бриллиантами существенно экономит время и сокращает издержки на формальные юридические процедуры. Но более важным мотивом здесь является соблюдение неписаных норм своеобразной корпоративной этики этой деятельности, которая (этика) выводит за пределы профессии любого человека, хотя бы однажды не оправдавшего профессиональное доверие.

Тесные регулярные контакты, взаимодействие и связи членов корпоративной, профессиональной, соседской, местной общин или любого другого сообщества генерируют информацию об их репутации. Р.Патнем по этому поводу замечает: “Сети общественной активности облегчают связь и улучшают поступление информации о надежности тех или иных индивидов. С помощью сети общественной активности передается информация о репутации

ции... Чем лучше связь (как прямая, так и опосредованная) между партнерами, тем сильнее их взаимное доверие и тем легче им сотрудничать” [5, с. 212].

Подобная информация может распространяться в такой специфической и неоднозначной форме, как слухи, образующие своеобразное социальное знание членов сообществ. Репутация надежного и честного партнера становится основой формирования отношений доверия и накопления социального капитала этой группы. Вместе с тем возможная недобросовестность и непорядочность индивида подрывает дальнейшее доверие к нему других членов сообщества. “Сети общественной активности увеличивают потенциальные затраты нарушителя любого конкретного соглашения. Корыстолюбие подвергает риску выгоды, которые он рассчитывает получить от всех прочих соглашений, в которых он в данное время участвует, равно как и выгоды от будущих соглашений”, — пишет Р. Патнем [5, с. 211–212]. Это замечание особенно важно, как мы покажем дальше, в отношении посткоммунистических стран и в некоторой степени объясняет, почему стяжательство, коррупция и другие негативные и социально разрушительные стратегии “жизни сегодняшним днем” не способствуют развитию социального капитала.

3. Последнее наблюдение позволяет перейти к третьему аргументу об общественной эффективности социального капитала, генерирующегося в горизонтальных связях общественного участия. Речь идет, по Р. Патнему, о накоплении и аккумуляции положительного опыта успешного сотрудничества и взаимного доверия, что, в свою очередь, служит культурным и психологическим основанием для дальнейшего сотрудничества. Иными словами, аккумулярованный социальный капитал обеспечивает общественную стабильность и устойчивое развитие благодаря незримым повседневным актам взаимности и доверия членов социальной группы. Взгляд на социальный капитал как на культурное и историческое достояние предшествующих поколений и результат существования традиции взаимности позволяет объяснять различия в его развитии в Южном и Северном регионах Италии именно историческими причинами, как это делает Р. Патнем.

С точки зрения теоретически-нормативной идеальной модели пока все вроде бы понятно. Однако возникает вопрос: каким образом возможно формирование и первоначальное накопление социального капитала в условиях радикальной общественной трансформации, когда разрушаются установки, традиции и ценности в обществах, отличающихся нестабильностью, аномией и высоким уровнем генерализованного взаимного недоверия? Здесь имеются в виду посткоммунистические общества.

Концепция социального капитала в посткоммунистическом контексте

Современные посткоммунистические общественные трансформации часто дают поводы для пересмотра, критики или реконцептуализации многих социальных теорий, таких как теория социального капитала. Мы не будем детально анализировать конкретные проблемы формирования и накопления социального капитала в посткоммунистических обществах (тема, требующая отдельного исследования). Сосредоточим внимание на *теоретико-методологических* проблемах посткоммунистических (прежде всего постсоветских) трансформаций в связи с концепцией социального капитала.

Прежде всего обратимся к тезису Патнема об исторически и культурно обусловленном характере социального капитала. Аргумент американского теоретика в его исследованиях традиций общественной активности в Италии сводился, как мы отмечали, к исторически сложившимся региональным различиям. Согласно Патнему, социальный капитал является феноменом исторической природы и подобно экономическому капиталу формируется на почве исторической традиции, а значит, требует определенного времени и благоприятных условий общественного развития для его накопления, как это происходило в северной Италии. Напротив, пример Южного региона страны (который также приводит Р.Патнем) свидетельствует о том, что недостаточное развитие социального капитала и его институциональных форм в “горизонтальных” сетях общественной активности и сотрудничества, объясняемое отсутствием исторических традиций, создает определенный социальный вакуум. Последний заполняется по мере образования сети клиентурных взаимосвязей, формирования “вертикальных” межличностных отношений *“патрон–клиент”* и развития мафиозно-институционального порядка. Первый срез проблем посткоммунистического общества аналогичен южноитальянским вариациям, описанным Патнемом. Отсутствие современной *исторической* традиции гражданского общества и развитых практик и сетей общественной активности — важная причина слабости социального капитала и засилья клиентизма в посткоммунистических странах.

Второй срез проблем посткоммунизма в плане теории и практики формирования социального капитала связан с разрывом постоянного стабильного общественного развития и непоследовательностью политики реформ в некоторых, в том числе славянских, постсоветских странах. Положительный общественный эффект социального капитала, собственно, предполагает как результат (и одновременно условие) его формирования социальную стабильность и постоянство общественного развития. Приходится признать, что в этом аспекте некоторые посткоммунистические страны значительно уступают даже “мафиозной стабильности” итальянского Юга.

И наконец, третий срез проблем посткоммунистических обществ с точки зрения теоретических и практически-политических условий формирования социального капитала в таких обществах сводится к комплексу аргументов *институциональной* природы. Анализируя российскую трансформацию, шотландский исследователь Ричард Роуз приходит к выводу, что посткоммунистическое общество (в частности, российское) *является* антимодерным обществом [9], в котором ведущие формальные институты, свойственные современному обществу (государственные организации, эффективная рациональная бюрократия и рынок), “не работают” в полной мере или работают с совершенно непредсказуемым эффектом. Роуз разворачивает идеальную типологию социетальных характеристик, с одной стороны, современных обществ, а с другой — антимодерных, к которым относится большинство постсоветских стран, в том числе три славянских (табл.).

Исследователь сравнивает идеальную ситуацию эффективной работы современных институтов с использованным М.Вебером образом исправно работающего механизма, или, в современной интерпретации, с автоматом для продажи воды, газет, сигарет и т.п. Потребитель бросает в автомат деньги и получает свой товар, не задумываясь над внутренним механизмом машины. Аналогично такой машине работают современные институты, удовлетворяя социальные потребности и предлагая социальные услуги налогоплательщи-

кам. В этом случае неформальные отношения, возникающие между людьми, не являются свидетельством их недоверия по поводу институциональной состоятельности бюрократической машины. Иная ситуация складывается в антимодерных обществах, где эта машина работает со сбоями или непредсказуемо. Люди, которые все-таки полагаются на государственные институты и формально установленный порядок (почти не действующий), нередко попадают в разряд социальных неудачников. Чтобы преуспевать в такой ситуации, индивиды вынуждены полагаться на неформальные, теневые, клиентурные связи с “патронами”, то есть субъектами, способными решить любую проблему “неформально”. В этой ситуации целиком соответственно сценарию, описанному Р. Патнемом и другими исследователями, решающую роль в компенсации неэффективности государственной машины из-за недостатка социального капитала играют неформальные, порой полукриминальные “посреднические структуры”. Р. Роуз пишет: “Россия (да и соседняя Украина, отметим мы. — В.С.) все еще страдает из-за “отсутствия срединных организаций”, связывающих неформальные общественные сети и современные (государственные) институты, и этот пробел часто заполняется антимодерными предприятиями, управляемыми бывшими номенклатурными чиновниками или мафиозными группировками” [9, с. 151]. “Отсутствие посреднических организаций” между государством и обществом обусловлено недостатком структур, норм и практик гражданского общества.

Таблица

**Модерные и антимодерные общества
в сравнительных характеристиках [9, с. 148]**

<i>Социетальные характеристики</i>	<i>Модерное общество</i>	<i>Антимодерное общество</i>
Функционирование	Сложное	Сложное
Сигналы-регуляторы	Цены, законы	“Правила”, политика, взятки, личные контакты
Открытость	Прозрачное	Полупрозрачное или теневое
Верховенство права	Присутствует	Зависимость судебной власти
Причина и следствия	Поддаются расчету	Неопределенные
Результаты	Эффективные	Неэффективные
Эффективность системы	Присутствует	Иногда, но не всегда

Итак, посткоммунистическая трансформация и “переходная” природа посткоммунистических обществ придала особую остроту методологическим проблемам, касающимся условий и возможностей формирования социального капитала в обществах, где отсутствует, или скорее прервана историческая традиция гражданского сотрудничества, царит нестабильность и неразвита эффективная институциональная государственная структура (или эффективная рациональная бюрократия западного типа). В этом контексте встает вопрос о сущности и природе социального капитала. В частности, следует ли понимать его лишь согласно жесткой историко-традиционной модели интерпретации, приводимой Р. Патнемом?

В теоретико-методологическом плане обнадеживающее утверждение о возможности формирования социального капитала в любых обществах,

включая посткоммунистическое украинское или российское, предполагает реинтерпретацию самой природы социального капитала. В отличие от Р. Патнема, некоторые теоретики, например Ф. Фукуяма и Э. Остром, придерживаются мнения о спонтанном (в отличие от исторически детерминированного) нормотворчестве в отношении этики и правил социального сотрудничества. Так, Ф. Фукуяма ссылается на исследование Элинор Остром, которая обобщила около пяти тысяч примеров формирования спонтанных практик общественного сотрудничества или совместного рационального использования общих ресурсов, то есть сознательного преодоления людьми ситуаций “трагедии общин” или “дилеммы узников”. Фукуяма, однако, довольно четко формулирует набор условий, при которых социальный капитал может формироваться стихийно. Анализируя примеры, приведенные Остром, Фукуяма доказывает, что такими условиями являются размер общины или группы, их границы, повторяемость взаимодействий членов общины или группы, наличие первичных установок, разделяемых членами общины, и осознание неудачных решений, благодаря чему община или группа со временем может предотвратить их повторение. Вывод этого исследователя таков: “Спонтанное воспроизводство социального капитала возможно в относительно малых, стабильных группах, членство в которых исчисляется сотнями или, в крайнем случае, тысячами. Оно наблюдается и в более населенных обществах, но лишь в тех из них, где уже есть устойчивая политическая система и господство права, ибо социальный капитал во многом является следствием прочного правопорядка” [17, с. 145].

Последние замечания Ф. Фукуямы делают более выразительной проблематичность быстрого и спонтанного формирования социального капитала на макросоциальном уровне в подобных Украине посткоммунистических обществах, отнюдь не отличающихся устойчивостью политической системы и верховенством права. Вместе с тем аргументируется возможность стратегии наращивания социального капитала в таких обществах. Эта стратегия может заключаться *в поощрении государственными институтами отдельных практик спонтанной кооперации и сотрудничества между гражданами в рамках отдельных общин или социальных групп и в распространении этих практик в широких кругах общественности*. Речь идет, по сути, о формировании “островков” социального капитала и гражданского общества в посткоммунистических обществах при условии взаимопонимания между обществом и государством.

Один из принципиальных вопросов теории социального капитала, актуализированный посткоммунистической трансформацией, заключается в определении сущностных характеристик такого явления, как социальный капитал, его социальной направленности и эффективности. На первый взгляд, посткоммунистические общества имеют много социальных предпосылок, устойчиво ассоциирующихся с благоприятными возможностями развития социального капитала. Украина и Россия пока остаются странами с практически полной грамотностью населения, где почти каждый участник рынка труда имеет по крайней мере среднее школьное образование. Около трех четвертей населения этих стран живут в городах. Посткоммунистические страны имеют относительно развитые транспортную и телекоммуникационную системы, бурно развиваются такие новейшие средства массовой коммуникации, как Интернет. Вместе с тем социокультурное наследие коммунистичес-

кой эпохи, присутствующее в системе и традициях организации жизнедеятельности таких обществ, весьма influent. Прежде всего это сказывается в том, что граждане посткоммунистических, в том числе постсоветских, стран в стратегиях своего жизненного поведения активно формируют многочисленные алгоритмы двойственных (а то и тройственных) социальных реальностей. Неформальные сети человеческих отношений (как эмоционально-приятельские, так и рациональные “спасительные”, известные как “блат”, nepotism, местничество и др.), по мнению многих исследователей [9; 11; 18], не только сохранились, но и воспроизводятся в новом качестве как “теневые” экономики и “альтернативные” (часто относительно закона) неформальные общности и системы коммуникаций новой посткоммунистической эпохи.

В определенном смысле жизненная стратегия спасения и выживания в кругу “своих людей” в периоды мучительной социальной трансформации оказывается эффективным рациональным индивидуальным поведением, неожиданным образом актуализируя вопрос природы и качества социального капитала. О чем идет речь? Социологические факты, в частности данные мониторингов Института социологии НАН Украины [19], свидетельствуют, что в условиях социально-экономического кризиса очень важными становятся межличностные взаимоотношения между людьми — семейные, дружеские и приятельские. Украинский исследователь Е. Головаха замечает в этой связи: “Социальная микросреда в последние годы выполняет крайне важную для сохранения стабильности общества функцию социально-психологической и моральной поддержки, смягчая стрессы, вызванные социально-экономическим кризисом, разрушением традиционного образа жизни и трансформацией ценностно-нормативной системы” [20, с. 111]. Однако могут ли неформальные межличностные отношения, в определенной мере сформированные вынужденно-рациональными стратегиями родственно-кланового выживания в период кризиса, быть аналогом аутентичной социальной свободы личностей стабильного социума и фундаментом формирования социального капитала гражданского общества? И как отличить формально изоморфные разновидности социального капитала кооперативного сотрудничества, взаимопомощи и доверия граждан от “социальных капиталов” круговой поруки, клановой солидарности и корпоративности мафиозных группировок (например, пресловутых “луганских бригад”)? Вопросы непростые, и многие критики обращали внимание на уязвимость концепции социального капитала именно в этом формальном плане, в частности относительно неопределенности критериев его социальной направленности. Так, Ф. Фукуяма, исходя из обобщенного определения социального капитала как свода неформальных правил или норм, позволяющих членам группы, которые их разделяют, взаимодействовать друг с другом, констатирует, что социальный капитал отнюдь не всегда оказывается благом: “И мафия, и ку-клукс-клан представляют собой составные части американского гражданского общества; обе организации располагают социальным капиталом, но при этом действуют во вред социуму” [17, с. 145]. Устаревший и обесцененный социальный капитал социальной взаимности, возникающий при определенном типе или способе производства (к примеру, кустарном традиционном ремесленничестве), может также стать ощутимой институциональной преградой для развития новых производств или технологий, которые будут требовать новых форм групповой координации и социального взаимодействия иного круга участников, а следо-

вательно, формирования новых форм социального капитала. Ф.Фукуяма приводит в качестве примера болезненный процесс трансформации японских корпораций 1990-х годов, но эти замечания вполне справедливы и в отношении процесса посткоммунистической социально-экономической и культурной трансформации.

Как мы отмечали, посткоммунистический опыт с особой остротой актуализировал проблему “ложной социальности” и социального капитала, сформированного на ее почве. Проблематичными представляются перспективы развития позитивно направленного социального капитала (скажем, в понимании П.Бурдье и Р.Патнема) и действенного *демократически ориентированного* гражданского общества в странах, схожих по своим социальным обстоятельствам с Украиной, то есть на основе солидарных криминальных группировок или в пределах родственно-клановых сетей выживания. Задолго до Р.Патнема анализируя клиентурную культуру южной Италии, Э.Бенфильд [21] охарактеризовал такие квазисоциально замкнутые круги групповой солидарности в понятиях “аморального родства”. Последствия, описанные Э.Бенфильдом, а позже подтвержденные Р.Патнемом, известны: квазисоциальная клиентурность, коррупция и nepotизм заполняют вакуум общественных отношений и фактически создают порочный круг самовоспроизводства. Ведь граждане в таких социумах находят разрешение своих проблем в неформальных клиентурно-патрональных связях, остаются зависимыми от них и не ощущают ни готовности, ни способности изменить “правила игры”.

Родственно-клановые стратегии выживания посткоммунистического общества выполняют в социетальной сфере компенсаторно-симуляционную функцию, аналогичную роли “народной экономики” при отсутствии развитой рыночной экономики. Это вполне закономерно, учитывая, что клантизм и коррупция как социальные явления имеют свою почву и проявляются прежде всего в социально-экономической сфере. Вместе с тем подобно тому, как “народная экономика” посткоммунистической Украины является своеобразным не только компенсаторным, но и деформационным фактором относительно перспектив развития рыночной экономики, родственно-клановые стратегии выживания блокируют перспективы развития гражданской солидарности и доверия к другим соотечественникам, не принадлежащим к ближайшему родственному кругу, что не служит благоприятным социальным фоном для развития социального капитала и гражданского общества.

Если в советском контексте коррупционные и теневые экономические отношения в определенной мере были социально рациональными стратегиями, ориентированными на здравый смысл и рыночный доход, то в условиях рыночных и демократических реформ системная коррупция и клиентизм превратились в едва ли не ведущее институциональное препятствие развития легальных рыночных отношений и гражданского общества в Украине. Разблокирование и демонтаж такой деформированной общественной системы — первоочередная социальная потребность обществ, подобных украинскому. Это неминуемо предполагает утверждение и развитие практик и культуры контрактных взаимоотношений между людьми, а следовательно, институционализацию отношений скепсиса и контроля (особенно применительно к любой власти) ради формирования будущей не клиентурной или мафиозной, а гражданской культуры доверия и наращивания социального капитала.

Социальный капитал как теоретико-методологическая перспектива

Социальный капитал, как мы подчеркивали, служит интегральной качественной характеристикой жизнедеятельности общества и общины. Как убедительно показывает Р. Патнем в своих итальянских исследованиях, социальный капитал — то есть гражданская культура доверия к людям и институтам (то, что в западной общественной литературе часто обозначают термином “обобщенное доверие” — *generalized trust*), социальная солидарность, а также желание и способность граждан сотрудничать ради общественного интереса — является важной предпосылкой действенной демократии. Историко-методологические истоки этого тезиса можно проследить в традиции политической социологии, начиная с А. де Токвиля и до классических исследований политической культуры 1950–1960-х годов.

Освященная авторитетом Токвиля, эта традиция политической социологии, особенно в ее современной интерпретации, постоянно ищет решения фундаментальной проблемы социологической науки: обоснования оптимальных способов перевода актуальной общественно-политической практики языком достоверных социологических показателей. Концепция социального капитала наталкивается на те же методологические проблемы, которые обнаружили в исследованиях политической культуры обществ. Проблемы эти сводились к выбору и обоснованию определенных социальных индикаторов, которые можно было формализовать, измерить и обобщить, создав интегральный показатель, который, в свою очередь, мог быть адекватно проинтерпретирован. Иными словами, в нашем случае перед исследователями стоит вопрос, каким образом социальный капитал обществ или общин может быть адекватно исследован, измерен и оценен.

В ответах на этот вопрос Р. Патнем фактически не предложил никаких методологических новаций. Как справедливо отмечает американская исследовательница Дж. Коэн, в своих исследованиях социального капитала в Италии, а позже и в США Р. Патнем обращается к тем же индикаторам гражданственности, которые используются в классических исследованиях политической культуры, а именно: количество общественных объединений, распространение и чтение гражданами местной и национальной общественно-политической прессы (как признак заинтересованности и осведомленности на местном и национальном уровнях общественной жизни), электронная активность, уважение к закону, межличностное доверие и способность к сотрудничеству граждан [4, с. 217]. Но сводится ли понятие социального капитала только к этим индикаторам?

В 1995 году Р. Патнем опубликовал эссе, главной темой которого был якобы упадок социального капитала Америки [7]. Материал этот спровоцировал длительные и активные дебаты, которые не ограничились сугубо академической средой, и одновременно актуализировал методологические проблемы анализа политической культуры и социального капитала обществ. Исследователь сделал свой вывод на основании анализа двух показателей: снижения избирательной активности американцев и уменьшения членства в некоторых общественных добровольных объединениях (в частности, клубах для гольфа). По логике Р. Патнема, это — свидетельство снижения уровня взаимосвязей граждан друг с другом и с политической системой, а значит, признак тре-

возможной тенденции, угрожающей самому существованию традиций американской демократии. Соглашаясь с отдельными рассуждениями о трансформации традиционных ценностей гражданского участия и с интересными наблюдениями касательно роли средств массовой информации в деформации публичного пространства в США 1990-х годов, многие исследователи, однако, усматривали узкое место в аргументации Р. Патнема именно в методологической неоправданности измерения социального капитала на основе только некоторых, хотя и важных показателей [4; 13].

Не углубляясь в детали этой критики, выделим в ней, на наш взгляд, самые важные методологические ориентиры и проблемные вопросы, которые могут оказаться полезными для разработки исследовательских подходов к социальному капиталу и развитию гражданского общества.

1. Какие показатели общественной жизнедеятельности (а следовательно, и основанные на них социологические индикаторы) исчерпывающе отвечают составляющим социального капитала общества? Р. Патнем фокусирует свое внимание на уровне развития добровольных объединений граждан как свидетельства существования социального капитала и источнике способности к социальному сотрудничеству, солидарности и доверию. Но можно ли исключать из проблемной области анализа социального капитала институциональную деятельность государства как актора формирования демократических институтов, а также сферу правовых отношений? На наш взгляд, такая узкая интерпретация социального капитала, которая в условиях развитых демократий аксиоматически предполагает взаимодействие гражданского общества с демократическими институтами государства, не является аксиомой в условиях постсоветских демократий. В последних общество и государство все еще функционально разъединены; они не формируют, по выражению венгерского исследователя П. Тамаша, “добровольное пересечение сетей, ассоциаций (с присущими им нормами) как коллектив добродетельных граждан” [11, с. 29]. Вот почему такое значение для постсоветских обществ имеет налаживание взаимопонимания и социальной синергии между государственной политикой и действиями граждан. И демократически ориентированное государство здесь действительно может и должно способствовать развитию социального доверия и капитала в обществе.

2. Исследования социального капитала, как отмечалось, концентрируют внимание на формировании всего спектра доверия в обществе — от межличностного доверия на уровне общественных объединений до институционального доверия общественным нормам и институтам. Однако проблемным пунктом такого анализа является недостаточное осмысление процессов взаимосвязи и генерализации между различными уровнями общественного доверия. Каким образом, например, доверие в пределах конкретной группы или объединения трансформируется (если вообще трансформируется) в доверие к незнакомым соотечественникам и способствует ли межгрупповое доверие формированию доверия к общественным институтам, а также к таким составляющим “всеобщего доверия”, как убеждение в легитимности институциональных норм, восприятие принципов взаимности и социальной солидарности и уверенность в том, что все эти установки разделяются как руководящей элитой, так и рядовыми гражданами [4, с. 220]? Посткоммунистическая социальная практика с характерными для нее доверием к людям и недоверием к государственным институтам как раз и свиде-

тельствует о проблемности взаимосвязи различных проявлений отношений доверия. Более того, как справедливо отмечает Дж.Коэн, “при отсутствии других подкрепляющих механизмов формирования “обобщенного доверия” (независимая судебная система или прозрачные и подотчетные демократические институты. — В.С.) участие в объединениях и членство в социальных сетях могут способствовать партикуляризму, локализму, нетерпимости, исключению и недоверию к другим, закону и правительству” [4, с. 220].

Наконец, как оценить потенциал социального капитала и трансформируется ли этот потенциал в новые социокультурные формы? Тезис Р.Патнема об упадке американского капитала, как утверждают его критики, не совсем убедителен не только вследствие ограниченного выбора индикаторов, но и потому, что американский исследователь не учитывал современных историко-культурных тенденций трансформации общественной и гражданской активности своих соотечественников. В частности, как свидетельствует исследование американского теоретика А.Гиршмана, посвященное феномену так называемого “сдвинутого вовлечения” [22], политическая вовлеченность граждан в условиях современных развитых демократий становится довольно эпизодической и все более ориентированной на решение конкретных проблем, зачастую местного характера. Отсюда возможно снижение показателей членства граждан в политических партиях, профсоюзах или традиционных добровольных объединениях. Тем не менее это не свидетельствует, по мнению исследователей [4, с. 225], о потере способности граждан к политической мобилизации на национальном или местном уровнях в случае угрозы общественным интересам.

Характерные процессы в контексте этого тезиса происходят в посткоммунистических обществах. Незначительные статистические показатели членства граждан в существующих общественных организациях в Украине, частично обусловленные постсоветскими традициями недоверия к любым формам гражданской активности, “компенсируются” высокой оценкой гражданами ценностей и идеалов гражданского демократического общества, каковыми являются свобода слова, возможности общественной активности, а также открытой критики и контроля деятельности властных структур. Как справедливо отмечает украинский социолог В.Матусевич, подобный разрыв между актуальной практикой и ценностями гражданского общества “дает основания... утверждать о наличии наряду с правовыми еще и идеологическими (ценностными) предпосылок становления гражданского общества в Украине” [23, с. 208]. И эта перспектива создает, по нашему мнению, резервные возможности формирования социального капитала гражданского участия и развития гражданских инициатив в стране.

Литература

1. Бусова Н. Культурные корни социального капитала // Социологические исследования. — 1999. — № 8. — С. 144–148.
2. Гугин Е., Чепак В. Феномен социального капитала // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2001. — № 1. — С.49–57.
3. Колодій А. На шляху громадянського суспільства. — Львів, 2002.

4. *Cohen J.* Trust, Voluntary Association and Workable Democracy: The Contemporary American Discourse of Civil Society // *Democracy and Trust* / Ed. by M. Warren. — Cambridge, 1999. — P.208–248.
5. *Патнам Р., Леонарді Р., Нанетті Р.Й.* Творення демократії. Традиції громадянської активності в сучасній Італії. — К., 2001.
6. *Putnam R.* The Prosperous Community. Social Capital and Public Life // *The American Prospect*. — 1993. — Vol.4. — № 13. — P. 1–8.
7. *Putnam R.* Bowling Alone: America's Declining Social Capital // *Journal of Democracy*. — 1995. — Vol.6. — № 1. — P. 65–78.
8. *Social Capital. A Multifaceted Perspective* / Ed. by P. Dasgupta, I. Serageldin. — Washington, 2000.
9. *Rose R.* Getting Things Done in an Antimodern Society: Social Capital Networks in Russia // *Social Capital. A Multifaceted Perspective* / Ed. by P. Dasgupta, I. Serageldin. — Washington, 2000. — P.147–171.
10. *Степаненко В.* “Кому потрібне громадянське суспільство?": соціальний капітал та проблеми формування громадянської ідентичності в Україні // *Войтенко О.Т., Гончарук О.С., Привалов Ю.О.* Громадянське суспільство в Україні: аналіз соціального конструювання. — К., 2002. — С.334–341.
11. *Тамаш П.* Социальный капитал и гражданское общество в условиях постсоциализма (на примере России). Вопросы для будущих исследований // *Проблеми розвитку соціологічної теорії. Матеріали III Всеукраїнської соціологічної конференції.* — К., 2003. — С.22–31.
12. *Bourdieu P.* Forms of Capital // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / Ed. by J.G. Richardson. — N. Y., 1983. — P.241–258.
13. *Paxton P.* Is Social Capital Declining in the United States? A Multiple Indicator Assesment // *American Journal of Sociology*. — 1999. — Vol.105. — № 1. — P. 88–127.
14. *Бурдье П.* Практический смысл. — СПб., 2001.
15. *Coleman J.* Social Capital in the Creation of Human Capital // *Social Capital. A Multifaceted Perspective* / Ed. by P. Dasgupta, I. Serageldin. — Washington, 2000. — P.6–39.
16. *Arrow K.* Observations on Social Capital // *Social Capital. A Multifaceted Perspective* / Ed. by P. Dasgupta, I. Serageldin. — Washington, 2000. — P.3–5.
17. *Фукуяма Ф.* Социальный капитал // *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу* / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантинтона. — М., 2002. — С.129–149.
18. *Howard M.* Free not to Participate: the Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe. — Glasgow, 2000.
19. *Українське суспільство: Моніторинг соціальних змін (1994–1999 рр.).* — К., 1999; *Українське суспільство: моніторинг — 2000 р.* — К., 2000; *Українське суспільство: десять років незалежності. Соціологічний моніторинг та коментар науковців.* — К., 2001; *Україна — 2002. Моніторинг соціальних змін.* — К., 2002; *Українське суспільство — 2003: соціологічний моніторинг.* — К., 2003.
20. *Головаха Є.* Головні тенденції розвитку українського суспільства у світлі результатів соціологічного моніторингу 1994–2003 років // *Українське суспільство — 2003: соціологічний моніторинг.* — К., 2003. — С.537–543.
21. *Banfield E.* The Moral Basis of a Backward Society. — N.Y., 1958.
22. *Hirschman A.* Shifting Involvements. — S.I., 1982.
23. *Матусевич В.* Громадянське суспільство в Україні: передумови становлення // *Україна — 2002: Моніторинг соціальних змін.* — К., 2002. — С.204–208.